Себастиано Маффетоне

Кризис либеральной демократии / *The Crisis of Liberal Democracy*

Хотел бы сердечно поблагодарить организаторов конференции за приглашение. Как философ я занимаюсь преимущественно Кантом и его работами, поэтому легко понять, сколь важно для меня было приехать в этот город, первый раз в жизни. И меня весьма интересует современная российская политология, и я многое хотел бы понять в ней.

Сегодня я представлю результаты своих размышлений в области сравнительной политологии. Впрочем, любое направление политологии является в той или иной степени сравнительным. Что происходит, когда мы занимаемся политологией? Мы берем различные теории и сравниваем одну с другой. Возьмем, к примеру, знаменитую работу Джона Ролза «Теория справедливости» (“A Theory of Justice”). По большому счету, Ролз является наиболее значительной фигурой в политологии за последние по крайней мере сорок лет. И что же он делает в работе? Он сравнивает свою теорию справедливости – равенства – с тоталитаризмом. Это сравнение неотделимо от представлений «атлантического» мира. Тоталитаризм имеет англо-американские корни, понятие «справедливость» также восходит к американской или англо-американской мысли. То есть сравнение делается в одной плоскости – в контексте англо-американской политической мысли.

Рационально ли в условиях глобализации разрабатывать свою политическую теорию именно в таком ключе? Но такой подход не работает, не может работать. Ганди, мой самый любимый философ, учил уважать все точки зрения. Такие страны, как Китай, Индия и Россия, настолько важны, что делать вид, что игра ведется исключительно в «атлантической» плоскости, неправильно. Постараюсь логически обосновать свое мнение.

Моя аргументация строится и на знаниях из современной российской политической теории, но в этой аудитории я не буду занимать время общеизвестными сюжетами. Хотел бы только отметить, что российские исследования совершенно недостаточно переводятся на английский язык, а русским языком в Европе владеют немногие. Я мог бы сам попробовать перевести антологию современной российской политической мысли, но мне нужна опора, нужны

Себастиано Маффетоне, профессор, декан факультета политологии Римского университета ЛУИСС, где преподает политическую философию и теории глобализации. В 2013 году увидела свет его монография “Un mondo migliore: Giustizia globale tra Laviatano e Cosmopoli” / «К более совершенному миру: глобальная справедливость между Левиафаном и Вселенским городом» (Roma: Luiss University Press, 2013). E-mail: smaffettone@luiss.it

Sebastiano Maffettone is University Professor and Dean of the Political Science Faculty at Luiss “G. Carli” University of Rome, where he teaches Political Philosophy and Theories of Globalization. His work “Un mondo migliore: Giustizia globale tra Laviatano e Cosmopoli” / “A Better World: Global Justice between Leviathan and Cosmopolis” was published in 2013 (Roma: Luiss University Press). E-mail: smaffettone@luiss.it

лучшие образцы политической мысли, чтобы я мог представить их итальянской общественности.

Другая часть моих аргументов связана с тем, что западная политическая мысль переживает тяжелые времена. Она находится в упадке. И нам нужна своего рода поддержка извне, о чем я буду еще говорить. Возможно, нам удастся опереться на российскую политическую теорию. Возможно, такая попытка рискованна – повторюсь, я слишком мало знаю современную российскую политическую теорию. Но, уверен, это было бы интересно. Вы прекрасно знаете, что западным мыслителям свойственно искать источники вдохновения за границей. Это вполне современный подход. Взять хотя бы ту же «Теорию справедливости» Ролза. Почему бы не подступить аналогичным образом? Учитывая, что основы демократии на Западе сейчас пошатнулись, почему бы не заимствовать зарубежные идеи, чтобы сделать европейскую модель вновь конкурентоспособной и привлекательной? Думаю, что сотрудничество в этой сфере может представлять взаимный интерес в рамках открытого диалога, на что и нацелена наша конференция.

Начнем с того аспекта, понимание которого мне самому хотелось бы углубить. По словам Ролза, я сейчас пребываю «за плотной завесой невежества», но в другом смысле, конечно. Думаю, евразийская модель может стать хорошей отправной точкой. Потому что она сочетает теорию и практику, идеалы и власть в одном дискурсе. И это важно.

У меня есть две цитаты: одна из них взята из речи президента Путина, которую он произнес на встрече дискуссионного клуба «Валдай» в 2013 году. Сказав, что в XXI веке мы сталкиваемся с серьезными пертурбациями и изменениями, он отметил, что «Евразийский союз – это проект сохранения идентичности народов» и что «евразийская интеграция – это шанс для всего постсоветского пространства стать самостоятельным центром глобального развития, а не периферией для Европы или для Азии»[1]. Соответственно, важной целью Евразийского союза является создание независимого и процветающего постсоветского пространства.

Автором второй цитаты является министр иностранных дел Сергей Лавров, который сказал, что «мир движется в сторону некой унифицированной модели, представляющей из себя бесчисленные слепки с западного образца с некоторым добавлением местного фольклора»[2].

Мысль Лаврова проста и точна: чтобы избежать привязки к фольклору, русская культура должна быть евразийской, евроазиатской. Они подобрали очень удачное с точки зрения формы и смысла название этому явлению – «фактор цивилизационной идентичности». И я думаю, что это имеет много общего с Бердяевым и нашей конференцией.

Мы можем назвать эту евразийскую модель интеграционной в том смысле, что в ее рамках объединены идея союза стран Евразии и политический курс – курс, который нацелен на то, чтобы сделать русскую культуру, русскую нацию, независимой от остальной части мира, в особенности от Запада. Эта теория восходит по крайней мере к трем различным источникам.

Во-первых, к идее Карла Шмитта о «земле и море». Это является отличительной чертой рационализма. Эта идея практически напрямую отсылает нас

[1] Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай», 19 сентября 2013 года. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243

[2] Выступление министра иностранных дел России С.В. Лаврова на юбилейной международной конференции «Россия в мире силы XXI века», приуроченной к 20-летию Совета по внешней и оборонной политике и 10-летию журнала «Россия в глобальной политике», Москва, 1 декабря 2012 года. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/30011D027DECDBF844257AC7003D39D0

к работе Карла Шмитта «Номос Земли» (“The Nomos of the Earth”). Во-вторых, значимость культурных отличий. Я имею в виду культурный релятивизм: чтобы оставаться собой, вы должны сохранять свои корни. Это значимый фактор в предложенной евразийской модели. В-третьих, политический аспект. Этот евразийский проект носит открыто антигегемонистский характер, то есть выступает против гегемонии Запада и, в частности, США. Поэтому в нем заложена мысль о сохранении идентичности, которая восходит к традициям азиатских стран и отличается от идентичности стран «атлантического» мира. И именно в этом аспекте сочетаются два фактора: евразийская культура и политика. Корни евразийской модели уходят в 1920-е годы, но есть и современное направление. Думаю, что ряд идей можно задействовать для укрепления либеральной демократии. Не все, конечно, но некоторые наверняка.

Далее я хотел бы показать суть «самой лучшей политической культуры». Но это почти невозможно, по ряду причин. Прежде всего потому, что не существует такого понятия, как Запад. Я католик из средиземноморского города Неаполя, и я совсем не похож на американца. Скорее уж на русского или североафриканца. Понятие «западный» не менее расплывчато, чем понятие «восточный».

Еще сложнее определить, какие идеи на Западе самые лучшие. Сильно упрощая, приведу в качестве примера мыслителей, чей вклад в развитие либеральной демократии в минувшем веке я считаю огромным и с которыми знаком лично, – Ю. Хабермаса и Дж. Ролза. Европейская модель находится в упадке, в упадке на практике. Значимым фактором являются сомнения таких важных игроков, как Россия, Китай и Турция, по поводу данной модели. Но дело не только в этом. В западном мире эта теория тоже сталкивается с трудностями. Взять хотя бы США – «оплот» либеральной демократии. События в тюрьме Гуантанамо говорят сами за себя. Пусть происходят они на Кубе, но речь все равно идет о США. Эта модель не работает в Италии, Испании и Англии. Она должна там работать, но не работает. Поэтому в адрес либеральной демократии звучит множество критических замечаний. Все постмодернистские традиции критикуются, как и традиции Просвещения и их производные, традиции либеральной демократии.

В заключение хотел бы обозначить причины, побуждающие меня утверждать, что мы можем извлечь из евразийской модели полезные аспекты, которые помогут преодолеть кризис нашей модели. Либеральная демократия не может применяться повсеместно, так как в ней не отражены различия в культурах. Я называю это термином «плюралистическая интеграция». Либеральная демократия должна опираться в значительной мере на атмосферу, культуру, традиции и религии. В противном случае она не будет работать вообще.

Перевод с английского Н.В. Панич

М.В. Ремизов. Хотел бы акцентировать мысль о том, что российский политический проект на северо-евразийском пространстве является по своему духу и замыслу антигегемонистским. Это не всегда заметно со стороны, но это довольно точно отражает наши мотивы, то есть они касаются прежде всего сохранения суверенитета, а не установления преобладания. И в целом даже евразийскую интеграцию можно рассматривать с точки зрения мотива всех ее участников как способ сохранить максимум возможного суверенитета в современном мире за счет взаимной поддержки. И второе: он антигегемонистский – в смысле сопротивления монополизации международного права западными столицами.